

Г. Лэмб

Карл Великий

УДК 94(363)
ББК 63.3(0)32
Л92

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Оформление художника
И.А. Озерова*

Лэмб Гарольд
Л92 Карл Великий. Основатель империи Каролингов /
Пер. с англ. Л.А. Игоревского. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. — 351 с. — (Владыки мира).

ISBN 978-5-521-73323-1

В книге повествуется о начале нового периода мировой истории, ознаменованного победоносным шествием короля франков, ласково прозванного Шарлеманем. Впоследствии победитель лангобардов и саксов, покоритель сарацин, тот, кому верно служили Роланд Бретонский и Гильом Тулузский — легендарные рыцари франков, — стал императором всех христиан Карлом Великим.

**УДК 94(363)
ББК 63.3(0)32**

ISBN 978-5-521-73323-1

© Перевод, ЗАО
«Центрполиграф», 2010
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2010

Из старых сказаний мы узнаем о подвигах героев...
Здесь вы прочтете о борьбе отважных людей.

Песнь о Нибелунгах

ПРЕДИСЛОВИЕ

Его звали Карл. В течение многих поколений после его смерти люди помнили его как Карла Великого и прозвали его Шарлеманем.

Это имя, помимо своей необычности, начинало символизировать нечто особенное. Шарлемань, в отличие от большинства других королей, похоже, принадлежал не одной нации, а всем нациям Западной христианской Европы, поскольку к концу своей жизни ему удалось объединить эти народы в одно сообщество христиан. Сделав это, он вселил в них надежду.

В его время цивилизация и среда человеческого обитания вырождались. С уходом римских легионов упорядоченная жизнь — тот механизм, что поддерживает нас сегодня, — медленно уходила из варварских народов (наших предков) Атлантического побережья. Некоторые из них, например визиготы и лангобарды, переселились в распадающуюся Римскую империю, сохранив при этом воспоминания и кое-что из предметов роскоши исчезающей цивилизации. Но франки, народ Шарлеманя, слишком поздно появились на сцене.

Они очутились в лесной глуши, где правила грубая сила. Область, в которой они обосновались, располагалась между реками Луарой и Рейном. Их все пугало — видения ведьминога шабаша, ночные скачки дьявола по лесам. Некоторую надежду в них вселяли предсказания миссионеров, вроде ирландца Колумбана¹, обеща-

¹ Колумбан (ок. 540—615) — ирландский монах, проповедник христианства в Западной Европе. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

ших спасение их душ и возможное второе пришествие на землю Иисуса Христа.

Франки были людьми, наделенными достаточной физической силой, вели свое происхождение от германских племен, имели богатые боевые традиции — знали сагу о герое Беовульфе¹, оторвавшем руку у чудовища Гренделя, которого нельзя было поразить никаким оружием. Но при всем том они были привязаны к земле и зажаты в своем уголке Европы еще более дикими и необузданными племенами славян и восточных кочевников. Кроме того, они были отрезаны от моря, где властвовал мощный флот города Константинополя, сохранившего греко-римскую культуру. За морем набирал силу враждебный им ислам, религия арабов. Во мраке VII века казалось, что мир франков гибнет, и многие полагали, что конец наступит в 1000 году от Рождества Христова.

Гораздо большую опасность, чем физическая смерть, представляли медленное угасание разума, отсутствие письменности, разрушение универсального латинского языка, переход на различные местные диалекты и потеря идеалов. Местные уроженцы, выжившие в Римской Галлии, утратили свои древние навыки, а франки, их хозяева, понятия не имели о цивилизованном государстве, где император правил людьми по закону. Они были верны избранным племенным вождям; одному из них, Дагоберту, удалось объединить раздробленную нацию; Карл Молот, воитель, после битвы при Пуатье отеснил мусульманских захватчиков из Галлии на юг и собрал средства, конфисковав церковное имущество; его сын, Пипин Короткий², пытался окончательно закрыть арабам доступ в Южную Галлию, одновременно сплачивая своих франков в нацию, способную править другими.

¹ Б е о в у л ь ф — мифопоэтический герой англосаксонского эпоса.

² П и п и н К о р о т к и й — король франков, прозванный Коротким за малый рост.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Но только Карл, внук Молота и сын Пипина Короткого, получил прозвище Великого, его владычество стало владычеством империи Каролингов, а попросту империи Карла, отличавшейся от других империй.

Потом на Западе произошло нечто совершенно уникальное. Память об этой исчезнувшей империи сохранилась на века; она стала силой, создавшей новый мир на Западе. Карл сам стал легендой, легендой Шарлеманя, разросшейся и распространившейся по всем христианским землям. Это была не просто память о воображаемом золотом веке или необычайном монархе. Это было нечто, принадлежащее всему человечеству. В течение короткого периода времени этот правитель вел людей к невообразимым достижениям, которые были затем для них утеряны. Память о нем, если можно так выразиться, покинула стены дворцов и церквей, поселилась в простых жилищах и стала путешествовать по дорогам. Карла воспевали в песнях и балладах. И в течение последующих четырех столетий эта память влияла на события в мире.

Глава 1

СТРАНА ЛЕСОВ

Помолившись апостолу, святому Фоме, он впервые в жизни в 753 году н. э. отправился в самостоятельное путешествие. Снег и грязь покрывали тропы.

До сих пор ему не приходилось командовать вооруженным отрядом, равно как и владеть лесами или полями под своим именем. Ему было 11 лет. Высокий рост, широкие плечи и кисти выдавали в нем недюжинную силу. Темные волосы у него были коротко пострижены, он обладал пронзительным голосом.

Обычно его называли сыном Пипина Короткого. Те, кто по каким-либо причинам ненавидел его, звали мальчика Кёрлом¹. Это прозвище подходило ему, хотя настоящее его имя было Карл.

Он сразу же заявил, что, невзирая на снег и непогоду, собирается как можно быстрее завершить рискованное путешествие и встретить странников, спустившихся с Альп в страну франков. Набросив овчину поверх кожаной туники, он покинул двор своего отца в Тионвилле. Подросток забыл взять подарки для знакомых путников, но позаботился о лошадях для своего отряда. Его сопровождали Керольд, воин в полном вооружении, и компания лесничих — с ними он только позавчера охотился на оленей. Не имея под своим началом ни подданных, ни знати, упрямый юноша ничем не отличался от своих друзей-охотников, с которыми болтал, выпивал и купался, когда пригревало солнце.

¹ К ё р л, Churl (*англ.*) — мужлан, деревенщина.

Когда он вместе со своим отрядом отправился в путь по размытой грязной тропе и исчез в снежной мгле, кое-кто из провожающих рассмеялся и весело заметил, что Кёрл отправился встречать святого отца, посланца самого папы из собора Святого Петра, так, словно собрался поохотиться на оленя. Сам Пипин ни единым словом не выразил ни упрека, ни похвалы своему сыну. У сурового Пипина вошло в привычку держать своего первенца при себе и наблюдать за ним, а не поучать сына или давать ему советы. Никто толком не мог сказать, хорошо это было или плохо для подростка.

В результате бешеной скачки, периодически меняя седла на усталых, проваливающихся по колени в грязь лошадях, принц Карл со своими товарищами очень быстро одолел расстояние в 30 лиг¹ и очутился у постоянного двора. Он был рад путешествовать в одиночку, без сопровождения аббата Фулрада или главного конюшего, которые наверняка досаждали бы ему своими советами и заботой. Это была первая важная миссия, доверенная ему отцом.

Во время своего путешествия они весело пели. Пар от замороженных лошадей превращался в туман. Шестеро его спутников радовались, глядя на веселого юношу.

Он говорил, что Арнульфингам, как правило, сопутствовала удача. Это повелось с того случая, когда Арнульф, родоначальник династии, поставил на кон свою судьбу. Он бросил свое кольцо с печатькой в реку Сену и сказал: если оно вернется к нему обратно, это будет означать, что ему на роду написано править своим народом. Что ж, кольцо исчезло в волнах реки. Прошли годы, и в один знаменательный день Арнульф на обед подали рыбу. Когда ее разделали, из брюха выпало кольцо. Не иначе как сам Бог приложил к этому руку.

— На пути встретилась река, и не было брода, — рассказывал воин Керольд. — И тьма опустилась на землю. Когда Карл очутился на берегу реки, его опередил бе-

¹ Л и г а — английская мера длины, равная 4,83 км.

лый олень. Он прыгнул в воду, и его рога отсвечивали на солнце золотом. Карл последовал за ним, и в реке действительно показался брод. Те, кто последовали примеру Карла, едва ли замочили свои ступни.

Множество историй, рассказанных о Карле, связаны с реками и охотой. Ему нравилось слушать, как его друзья повествуют о его удаче, поскольку сам Карл не обладал ни опытом, ни мудростью.

Итак, когда, преодолев расстояние в 30 лиг, отряд подъехал к постоялому двору, юноша решил, что удача действительно сопутствовала ему. У стогов сена и в самой конюшне сгрудилось много лошадей, поэтому создавалось впечатление, что на постоянный двор прибыли преподобные посланцы из Рима.

Однако у дверей постоялого двора их встретил сеньор Окер — военачальник, неоднократно бывавший в Риме по приказу своего короля Пипина.

— Далеко ли твой отец? — спросил он, узнав в юнце долговязого Карла. Ловкий, резкий на язык придворный, он не счел нужным наградить Пипина каким-либо титулом.

— Отца со мной нет. Он послал меня встретить Стефана, святого отца из Рима. Где он?

Окер нахмурился. Внимательно посмотрев на юношу, он объяснил, что папа Стефан и сопровождающие его лица из собора Святого Петра преодолели немалые трудности, пересекая горный перевал, и в настоящее время не спеша путешествуют, покинув обитель Святого Морица. Один из них умер в этом монастыре.

Окер, оккупировавший со своими людьми постоянный двор, не собирался уступать жилище Карлу и его спутникам. Подростку же он высказал коротко и ясно, что не подобает королю франков посылать своего юного сына встречать папского посланца во главе отряда лесных людей без всяких подарков.

На это юноша отреагировал резко и гневно, заявив, что не собирается квартировать на постоялом дворе, где Окер расположился с таким комфортом. Ему предстоит

встретить посланцев папы, и он не собирался отказываться от своей миссии.

Окер вернулся к очагу и проворчал:

— Кёрл.

Снег затуманил небо и морозил пальцы вооруженному отряду. Усталые лошади брели, спотыкаясь, с сожалением покидая теплые конюшни и стога сена. Керольд и лесные жители молчали, поскольку были преданы Карлу душой и телом.

На землю спустились сумерки, отряд окутала лесная мгла, и люди спешили, чтобы отдохнуть. Карл не мог подыскать места для ночлега, но он никогда в жизни не остался бы ночевать вместе с Окером. Ему не позволяла сделать это его гордость.

Неожиданно юноша рассмеялся и заметил:

— Пора бы, дорогие друзья, появиться тому белому оленю и снова указать нам путь.

После этих слов его спутники с большей охотой двинулись в путь, ободренные веселой речью Карла. Это было похоже на путешествие во тьме египетской, как вдруг один из всадников заметил впереди огонь, и все решили, что это горит очаг в усадьбе.

Но впереди у них на пути виднелись еще огни. Оказалось, что это факелы движущегося отряда. Карл и его спутники осадил лошадей, потому что их было недостаточно, чтобы противостоять такому большому количеству людей — это могли быть мародеры.

И тут Керольд выругался:

— Олень или не олень, но разрази меня гром, если это не преподобный посланец святого Петра!

Так оно и вышло. Эскорт папы, застигнутый врасплох темнотой, осторожно пробирался по дороге в поисках пути к какому-нибудь убежищу. Взволнованный Карл забыл про собственную усталость. То, что они встретились в темноте с папой, — редчайшая удача!

Когда встречные путники узнали, что он обещает им радушный прием и гостеприимство франков, они подвели Карла к закутанной фигуре на белой лошади. Карл

услышал усталый голос, спросивший его, где находится сам король.

Слезая с коня и запинаясь от волнения, Карл попытался объяснить, что король Пипин ожидает святого посланца Рима в теплом просторном зале в Тионвилле. Не зная, что еще сказать, он с беспокойством ждал ответа. Чей-то посторонний голос повторил его сбивчивое объяснение на четкой книжной латыни.

Очевидно, закутанные римляне почувствовали неладное оттого, что Пипин лично не явился встретить их. Напрягаясь, чтобы понять незнакомую речь, Карл осознал, что это было резкое приглашение ему и его спутникам подъехать и поприветствовать этого Стефана. Голос самого Стефана еле слышался: святого отца сильно утомили ветра и холод горных перевалов.

Тут Карл вспомнил, что не привез с собой никакого подарка. Краска стыда залила его лицо.

— Святой отец, — пронзительно воскликнул он, — я бы привез вам в подарок прекрасные ткани и дорогие изделия из золота, но у меня ничего нет, кроме охотничьего оружия и нескольких книг!

Белое усталое лицо в меховом капюшоне нагнулось поближе к Карлу, чтобы повнимательней рассмотреть подростка.

— Храбрый мальчик, — произнес путник, — зачем говорить о подарках? Достаточно того, что ты, Карл, глубокой ночью проехал сквозь лесную чащу, чтобы встретить нас и предоставить нам кров.

Карла успокоило то, что великий посланец Рима ясно и четко произнес его имя так, что оно не прозвучало как приглушенное Кёрл, а, наоборот, как звон колокола — Carolus.

Он никогда не забудет этого благословения, и, проезжая мимо воинов с копьями, Карл не переставал думать об этом, и стыд оставил его. И затем он начал смеяться, еле сдерживаясь, чтобы не расхохотаться во весь голос. От его отряда отделился Керольд и, подъехав к Карлу, прошептал: